Культура.-1994.-5 февр.-с.10 Культура.-1994.-5 февр.-с.11

Так куда же отправился русский боярин?

Минувший год, по свидетельству иностранной прессы, обозначил после довольно продолжительного спада некоторый рост интереса к русскому искусству на художественных аукционах. Мы попросили живущего в Лондоне известного коллекционера, знатока изобразительного и театрального искусства князя Никиту ЛОБАНОВА-РОСТОВСКОГО рассказать о последнем аукционе русского искусства, проводимого «Сотби», о тенденциях художественных рынков Запада, о том, кто и зачем покупает картины, скульптуры, прочие работы наших мастеров—и прошлых веков, и настоящего времени.

СУДЬБЫ ШЕДЕВРОВ

БРИЛЛИАНТЫ НЫНЧЕ В МОДЕ

Жизнь лондонских «Сотби» и «Кристи», как, впрочем, и других крупнейших аукционных домов мира, была в последнее время довольно активной. Из особых примет прошлого года стоит отметить возросший интерес аукционной публики к бриллиантам. Стоимость крупных камней увеличилась на 40 процентов. Это огромный прыжок, потому что еще два года назад имел место большой спад спроса на бриллианты, и многие компании, те, что продавали драгоценности как розничный товар, в том числе и американские, обанкротились. Интересно, что крупные, примерно в сто карат, бриллианты покупают в основном арабы. Такие камни стоят 50—70—100 миллионов долларов. Это уникальные создания природы. Их приобретают чаще всего богачи из Саудовской Аравии. Покупают, как говорят, потому, что сосредоточили в своих руках огромные капиталы, а после войны между Ираком и Кувейтом, очевидно, не верят в наступивший в этом регионе мир. И потому вкладывают свою наличность в маленькие камешки, которые можно в одну секунду переложить из сейфа в карман и быстренько уехать... Вот почему на аукционах «Сотби» и «Кристи» так резко прыгнули вверх цены на алмазы и бриллианты.

Но не только этим удивили последние аукционы «Сотби», «Кристи», других известных домов. Обозначились некоторые изменения и на аукционах искусства. Прежде всего начали «возвращаться» импрессионисты. Но, в отличие от того, что было три-четыре года назад, сегодня продаются только первоклассные произведения. Это в полной мере относится и к представителям других направлений. Если раньше можно было свободно продать самое слабое создание известного автора, просто любой холст, лишь бы на нем стояла, скажем, подпись Пикассо, то сейчас «любой» Пикассо, «любой» Матисс уже не пойдет, это должна быть первоклассная картина. Да и то за нее выручишь лишь половину того, что можно было бы получить четыре года назад. Но все-таки что-то продается — а ведь полтора года назад импрессионистов вообще невозможно было продать. Это связано прежде всего с экономической рецессией в Европе. Экономический спад наблюдается во всех странах континента, кроме, пожалуй, Англии.

Но тем не менее в этом в общем-то неблагополучном контексте рынок искусства немного оживляется. В частности, за последний год преобразился рынок русского искусства. На мой взгляд, очень помог тот факт, что на художественных аукционах стали появляться покупатели из России — на последнем аукционе в «Сотби» в зале они занимали четверть всех мест. Это не значит, что все что-то купили, но они специально приехали в Лондон, что свидетельствует об интересе, который родился в России и продолжает увеличиваться, к рынку искусства.

ГОГА ТОЖЕ БЫЛ В ЗАЛЕ

Русский аукцион «Сотби» состоялся в Лондоне 15 декабря, явившись своеобразным заключительным аккордом, обозначившим некоторые тенденции на художественных рынках. На этот раз на аукционе было выставлено около 150 картин — Шишкин, Репин, Коровин, Маковский, Рерих, Билибин, Судейкин, Сомов, около ста икон, 200 других предметов искусства, которые и привлекли в Лондон обычную толпу коллекционеров, торговцев, зрителей. Были здесь и именитые гости из России — известные коллекционеры супруги Шустер из Санкт-Петербурга, господин В. Дудаков из Москвы, а также и представители московского аукционного дома «Альфа-Арт», московского Дягилевъ-Центра.

Среди присутствовавших в зале было немало и так называемых «бывших русских». Они как бы присматривались, примерялись к тому, что происходило. Сидели кучками, громко переговаривались, кто-то все время кричал в другой конец зала: «Гога!» Явно, все происходящее их занимало. Кое-кого эта публика покоробила, но тем не менее появление их на аукционном рынке важно, они — покупатели. То, что они покупают, частично возвращается на Родину,—очень похоже, что они покупали не для себя, а для живущих в России заказчиков. Говорят, они представляли три каких-то банка. Купили несколько картин и скульптур. Уже после аукциона я видел, как, отправляясь в аэропорт, они выносили из отеля свой багаж. Были видны хорошо упакованные в размер большого шкафа полотна, несколько скульптур. Все это были дорогие вещи. И все это поехало в Россию — наконец-то!

Обычно такие клиенты приобретают дорогие вещи. Сейчас, например, ведутся переговоры о продаже одного из полотен Кандинского — не знаю, сколько это может стоить — 50, 100 тысяч долларов. Как правило, они покупают картины, стóящие больших денег — больших там, за границей, может быть, здесь, в России, кто-то считает это мелочью. От этих людей у меня осталось ощущение, что они слабо разбираются в искусстве, часто эта публика приобретает просто подписи, о качестве думают меньше—достаточно, если это Шагал, Кандинский или Пикассо... Они и купили недавно «Цветы» Шагала за 130 тысяч фунтов стерлингов. Те, для кого приобретаются эти произведения,— очевидно, богатые люди, которые тоже, судя по всему, не очень-то разбираются в предмете, но очень хотят украсить свои офисы — или дома — «престижной живописью». И говорят посредникам — «купи картину!» Тот и покупает... Как правило, за наличные. Что для галереи выгодно. Ведь если клиент выписывает чек, оплата производится через банк, и галерея платит налог, если же расчет идет наличными, то налог могут и не платить. Поэтому галерея заинтересована в таких купцах, которые приезжают с мешком живых денег...

НРАВИТСЯ «МОРСКАЯ ТЕМА»

Но вернемся в аукционный зал. В «Сотби» барон Эдуард фон Фальц-фейн купил портрет (масло) Екатерины Великой, копия с работы Ф. Рокотова, и портрет великого князя Павла Петровича (тоже масло, копия).

72 процента всех лотов были проданы по стоимости, что по лондонским стандартам считается хорошим достижением. Большинство лотов было продано по стартовой цене или выше, некоторые — значительно выше. Например, полотно Шишкина «Лужайка в лесу» (масло), стартовая цена 5—7 тысяч фунтов, купили за 12.200 фунтов. То же самое произошло с эскизом картины Репина «Иов и его друзья», которая находится в Санкт-Петербурге в Русском музее. Стартовая цена эскиза — 3—4 тысячи фунтов, продан за 11 тысяч фунтов Джаннин Улфеин, молодой актрисе русского происхождения из Дурбана (ЮАР). Из иностранцев активно участвовали в торгах два японца — в Стране восходящего солнца русское искусство традиционно любимо. Пошло с торгов «масло» К. Маковского — «Боярин дома», стартовая цена 10—12 тысяч фунтов, купили картину за 24 тысячи. Как всегда «звездами» аукциона были произведения Айвазовского. На этот раз было выставлено на продажу 12 его работ. Одна из них, «Лунный свет над крымским побережьем», была продана за 52 тысячи фунтов при стартовой цене 15—20 тысяч. За ней следует «На берегу бурного моря», которую купили за 38 тысяч, и, наконец, одну из последних работ знаменитого мастера приобрели за 1.700 фунтов.

Еще одно лондонское событие конца прошлого года заслуживает внимания. Это аукцион под названием «Русская живопись: современная и эпохи модерна и фотографии», который провел аукционный дом «Бонамс». Было выставлено то, что осталось от закрывшейся лондонской галереи Кулинга, а именно три папки работ А. Родченко, относящихся к периоду 1924—1947 гг.— всего 21 фотография. Помню, что еще недавно господин Кулинг выставлял в своей лондонской галерее на Корк-стрит работы А. Родченко, В. Степановой, акварели Удальцовой. Ни одна из этих работ на аукционе «Бонамс» не фигурировала. Я слышал, что господин Кулинг сейчас находится в Израиле.

В конце декабря в своем отделении в Челси «Бонамс» провела еще один аукцион под названием «Социализм: СССР, 1935—70 гг.».

Русское искусство продавалось и на последнем аукционе «Кристи». В частности, «полная постановка», как это подавалось на аукционе, «Пиковой дамы» работы А. Бенуа, состоящая из 132 эскизов костюмов, была продана за 46.200 фунтов, то есть за 69.000 долларов — стартовая цена была обозначена: 28 — 32 тысячи фунтов. Вот что рассказывает об этих эскизах каталог аукциона: «После большого успеха «Евгения Онегина», премьера которого состоялась в Национальном театре Мюнхена в октябре 1938 года, А. Бенуа, создавший эскизы костюмов для этого спектакля, получил предложение участвовать и в постановке «Пиковой дамы» — ее предполагалось осуществить в 1941 году. Господин Кенон Крауз, который ставил «Евгения Онегина», знал о том, что Бенуа в начале 20-х годов работал с Дягилевым над постановкой «Пиковой дамы». Потому и обратился к нему. Но началась вторая мировая война, в Германии запретили ставить произведения русских композиторов. Может быть, именно потому, что работа над постановкой так и не началась, эскизы хорошо сохранились».

С 1967 года, когда «Сотби» начал проводить аукционы русской театральной живописи, такого лота еще не было. Счастливым обладателем 132 эскизов стал господин Роберт Тобин из города Сан-Антонио, что находится в американском штате Техас. На том же аукционе эскиз костюма Сони Делоне 1918 года был продан за 14.930 фунтов.

ПОЧЕМУ СОМОВ НЕ ЛЮБИЛ ДЯГИЛЕВА?

Для немногих зарубежных любителей театральной живописи, следящих за тем, что появляется на западных аукционах и куда затем исчезает, декабрьский «Сотби» был отмечен еще одним важным событием: было продано несколько эскизов костюмов, выполненных К. Сомовым. Речь идет о шести эскизах для менуэта к «Свадьбе Фигаро». Они были собственностью Тамары Карсавиной, а выставили их на продажу ее внуки. Четыре рисунка были куплены В. Дудаковым и А. Стычкиным для Дягилевъ - Центра в Москве, один — коллекционером из Санкт - Петербурга. Теперь эти произведения уже находятся в России. Шестой, а именно рисунок костюма графини был куплен «по телефону» за 4.800 фунтов.

Необычность этого события в том, что со времен второй мировой войны театральная работа Сомова появилась на аукционе только один раз. Это был эскиз костюма Коломбины, выполненный в 1921 году специально для Веры Немчиновой. Рисунок был продан на «Сотби» 4 марта 1980 года.

Почему же столь редки театральные работы К. Сомова на аукционах? Да потому, что их очень мало. То немногое, что он сделал для сцены, никак не сравнимо с работами А. Бенуа — у него их более трех тысяч. Меня давно мучил этот вопрос: почему К. Сомов, один из основателей «Мира искусства», так мало работал для театра и ни разу не принимал участия в оформлении дягилевских спектаклей, хотя все его знакомые были так или иначе, но очень активно вовлечены в эту работу?

В сентябре 1970 года с моей женой Ниной мы провели три недели в Советском Союзе в качестве гостей ЦГАЛИ. Будучи в Ленинграде, посетили А. Пушкарева, директора Русского музея, кому я до этого послал один из женских портретов, выполненных К. Сомовым. В Ленинграде мы встретились также с Е. Михайловым, племянником К. Сомова. У Михайлова было значительное количество писем, рисунков, записок Сомова. Я попросил его просмотреть архив дяди и отыскать все, что относилось бы к работе Сомова в театре. Вот что написал через некоторое время Михайлов: «Мне пришлось просмотреть целый ряд записей и материалов, чтобы найти работы дяди, так или иначе связанные с театром. К. Сомов с детства любил театр, но, как это ни парадоксально, за всю свою жизнь не оформил ни одной постановки. Главной причиной этого, очевидно, является крайняя замкнутость его характера, интимность его творчества, что не позволяло ему выносить свое искусство на показ публике. Кроме того, он был «чистокровным живописцем», и ему была чужда техника перевода живописного эскиза в театральную декорацию. В то же время любовью к театру пронизано все его творчество, в котором как бы отражается «театральность» самой жизни. Он выполнил всего лишь несколько афиш для придворных театров (1900 г.), занавес для «Свободного театра» в Москве, виньетку для театра В. Комиссаржевской, несколько эскизов костюмов для Карсавиной и Павловой.

А в книге «Русское театральное декоративное искусство конца XIX — начала XX века» М. Пожарской,— продолжает Михайлов,— имя К. Сомова упоминается не один раз. Во время Русских сезонов в Париже дядя был «намечен» для оформления балета «Жар-птица» во втором сезоне, но «ввиду острой неприязни к Дягилеву, он не принимает в антрепризе никакого участия»,— отмечает автор книги».

Во время нашего пребывания в Ленинграде мы встретились также с А. Савиновым из Института имени Репина, который писал тогда книгу о Сомове. Потом у нас завязалась переписка. Вот что писал мне А. Савинов: «У К. Сомова был не тот характер, который нужен для театра, и его искусство тоже было не то,— без размаха и масштабов «физических», было слишком интимно и камерно... 28 мая 1919 года К. Сомов писал в своем дневнике: «Шура Бенуа от имени директоров Мариинского и Михайловского театров предложил мне постановку «Свадьбы Фигаро». Я отказался, как это ни соблазнительно».

К. Сомов, очевидно, в самом деле не любил Дягилева. В письме от 3 декабря 1933 года своей сестре так его характеризует: «Более беспринципного, бессердечного, даже бесчестного человека трудно найти». Однако только неприязнью нельзя объяснить, почему же все-таки К. Сомов не оформил ни одного дягилевского спектакля. Бакст, одна из сверкающих «звезд» в компании Дягилева, тоже его не любил, как это видно из писем. Но, несмотря на это, свои самые замечательные работы сделал именно для антрепризы Дягилева. К. Сомов любил театр, интересовался всем, что творилось вокруг, создал множество акварельных работ на «театральные» темы, но работать на театр не смог — это у него не получилось. Он остался замечательным художником - иллюстратором, портретистом...

Вот почему знатоки театральной живописи, любители искусства этого неповторимого художника как важное событие воспринимают появление «на публике» его театральных работ. И тем более радостно, что столь редкие сомовские произведения, как эскизы театральных костюмов, уехали из Лондона в Москву!

● *К. Маковский. Боярин дома.*

● *Так К. Сомов видел Т. Карсавину в роли графини в «Свадьбе Фигаро» Моцарта.*